

Не дожидаясь даже следующего дня, уже к ужину пришли тётя Ян и тётя Цуйхуа — принесли с собой горшок ароматного тушёного цыплёнка с грибами.

Блюдо приготовила тётя Цуйхуа — у неё, оказывается, золотые руки. А тётя Ян зарезала сразу пять молодых петушков, выращенных в этом году. Мясо было нежнейшим.

К ужину они ещё сделали просо, откинутое на пару («сяоми лаофань»), жареные яйца с острым перцем и сковородку обжаренной зелени.

Вэнь Жунь добавил из своих запасов уже готовые жареные арахисовые зёрнышки — и получилось ровно четыре блюда.

Две семьи весело уселись за стол, деля тёплую, сытную трапезу.

Тётя Цуйхуа занялась детьми — кормила их ужином, а тётя Ян спросила Вэнь Жуна:

— Мы с Цуйхуа решили заранее обсудить меню для пира. Свинина, конечно, пригодится, а что ещё?

— Я хочу накрыть двенадцать столов, — ответил Вэнь Жунь. — Десять поставим во дворе, два — в доме. Куплю пятнадцать цыплят — по одному на стол, и пятнадцать крупных рыб — тоже по одной на стол. Ещё сделаю жареные яйца с перцем, тофу с зелёным луком и, конечно, подам белый рис! Добавим тушёную свинину и овощное рагу из бахчевых — всего шесть блюд. «Шесть-шесть — к удаче», пусть и впредь всё у меня ладится!

Он выложил пятьдесят лянов серебром — в основном мелочью и медяками, ведь в деревне почти не ходило серебро, в основном расплачивались медными монетами.

Вэнь Жунь отобрал пять «гуань» (связок) по тысяче монет в каждой.

После этого пира начиналась уборка урожая, поэтому он решил сделать еду особенно жирной и сытной — чтобы подбодрить односельчан перед тяжёлой работой.

Став цзюйжэнем, он чувствовал себя куда увереннее.

— Столько?! — удивились все трое из семьи Ян. Такой размах был для них невиданным.

Но Вэнь Жунь спокойно ответил:

— Скоро начнётся жатва. Пусть все как следует подкрепятся.

— Ладно! — тётя Ян, хоть и сомневалась, но теперь, когда Вэнь Жунь стал цзюйжэнем, его слова казались ей разумными. Она взяла деньги и добавила: — У нас дома ещё есть зелень — её покупать не надо, возьмём свою.

— Отлично! — кивнул Вэнь Жунь. — Если не хватит — скажите. Теперь у меня денег достаточно. Надо строить хороший дом — всё-таки теперь я господин цзюйжэнь.

— Конечно! — поддержали его супруги Ян.

Тем временем тётя Цуйхуа уже закончила ужинать и спросила, можно ли одолжить у соседей столы и скамьи. В деревне так всегда: ни у кого нет десятка столов про запас — на пир все приносят свою мебель, а потом забирают обратно.

Вэнь Жунь тут же решил:

— Пусть все приходят со своими мисками и палочками. А тарелки и остатки еды — пусть забирают домой.

Он специально готовил с запасом: пусть берут и едят, и уносят. Ему не жалко. А жирная, сытная еда, которую унесут домой, можно будет смешать с другими продуктами — и хватит ещё на два приёма пищи. Для людей, которым предстояло тяжело работать, это было настоящим благословением.

— Но столько всего унести? — засомневалась тётя Ян. — Это же чересчур!

— Берите! — улыбнулся Вэнь Жунь. — Нам самим столько не съесть. Да и жатва скоро — пусть наберутся сил.

— Ну, раз ты так говоришь...

Хотя пир был назначен на следующий день, уже в тот же вечер дядя Ян обошёл все двадцать с лишним дворов и сообщил каждому.

После ужина тётя Чжан пришла вместе с невесткой и, вместе с тётями Ян и Цуйхуа, тут же занялась разделкой свиньи. Они работали до поздней ночи, и Вэнь Жуню даже неловко стало от такого усердия.

Дядя Ян, вернувшись, забрал детей к себе домой на ночь, и Вэнь Жунь тоже переночевал у них.

А в его доме остались женщины — устроились на канге.

На следующее утро всех ждал роскошный завтрак: суп из свиных костей с маленькими вонтонами!

Начинка — свинина с зелёным луком. Пусть и без креветок с ламинарией, но бульон был настолько ароматным и вкусным, что все наелись с удовольствием.

После завтрака все разошлись по делам. Даже Вэнь Жуна нашли занятие: он устроился в западной комнате — в своей временной школе. Там он должен был писать и присматривать за маленькой Ван Мэй. Девочке было слишком мало лет, чтобы оставлять её одну, поэтому она сидела рядом с гэфу на канге и тихо играла красной ленточкой.

Рядом с ней уселся младший сын дяди Яна — дети так мило возились вместе, что всем было ясно: между ними уже зарождается невинная дружба.

А Вэнь Жунь тем временем расстелил большой лист бумаги. Писать тексты он не стал — мало кто в деревне умеет читать. Вместо этого он начал чертить план нового дома!

Он решил начать строительство сразу после уборки урожая: вызовет бригаду из уездного города, но и односельчане, конечно, помогут.

А ещё ему нужно съездить в уездное управление — оформить перевод всех налогов и повинностей Ляньхуаао на своё имя.

Тогда он сможет официально просить помощи у деревни — и никто не посмеет отказать!

Ведь он — пострадавшая сторона, обиженный и униженный. Уездный начальник уж точно не посмеет отказать в такой просьбе...

Пока Вэнь Жунь чертил план, за гостей отвечали старик Чжан и дядя Ян. В Ляньхуа-ао все знали друг друга, поэтому, собравшись, сразу завели разговор.

Старик Чжан пригласил глав всех двадцати с лишним дворов в спальню Вэнь Жуна — на канге уже тесно сидели мужчины.

Он объяснил им, что благодаря званию цзюйжэня Вэнь Жунь может освободить всю деревню от налогов и повинностей.

Услышав эту весть, мужчины буквально загорелись — глаза у многих покраснели от волнения.

— Правда ли это?!

— Конечно, правда!

— Значит, теперь будем работать только у старшего Ваня, а не на государственные работы?!

— Именно! Отныне мы будем служить господину цзюйжэню!

— Вэнь Жунь... то есть господин цзюйжэнь — такой добрый человек! Теперь нам заживётся!

— В роду Ван точно «могилы задымились благословенным дымом»!

— А какие работы будут?

— Кроме стройки, у них и дел-то нет — они же не землю пахут!

— Да и если бы пахали — мы бы им помогли с посевом и жатвой!

— Конечно! Лучше у них работать, чем на каналах или стенах мёрзнуть!

— У них и дел-то особо нет — разве что сено для скота нарезать...

Репутация Вэнь Жуна в Ляньхуаао была безупречной: добрый, спокойный, учит детей — кто о нём плохо скажет?

А теперь он стал для всех «великим благодетелем».

Налоги и повинности — главная тяжесть для простого люда. Избавься от них — и жизнь сразу станет светлее!

Дети получили надежду на будущее, а взрослые — уверенность в завтрашнем дне. Все ликовали.

Когда в полдень начался пир, и Вэнь Жунь вышел к гостям, к нему тут же потянулись с тостами.

Он предусмотрительно взял себе маленький бокал, а все остальные пили из больших чаш.

Выгодное положение!

— Господин цзюйжэнь умеет пить! — громко рассмеялся старик Чжан, указывая на него.

Вэнь Жунь смущённо улыбнулся:

— Отец и старейшины слишком добры! По чашке за раз я точно не осилю — пришлось схитрить немного.

Но никто не обиделся — напротив, все весело рассмеялись.

Когда подали еду, вся деревня ела с таким аппетитом, что аж жир с лица капал.

Некоторые даже тянули за руку своих детей и показывали на стол:

— Учись как следует! Сдай экзамены, стань сьюйцаем или цзюйжэнем — и у нас тоже будет такая жизнь!

После обеда, когда все расходились, мужчины несли столы на плечах, женщины — тазы, доверху наполненные белым рисом, а дети — миски и тарелки с остатками блюд.

Вэнь Жунь заранее сказал: «Берите всё — и ешьте, и уносите! Это мой подарок в честь получения звания цзюйжэня!»

Когда гости ушли, Вэнь Жунь снова занялся детьми и продолжил рисовать чертежи будущего дома. А тётя Чжан, тётя Ян и другие женщины тщательно убрали кухню и даже приготовили ужин, прежде чем уйти.

Разумеется, семья Ян осталась — Вэнь Жунь специально их пригласил. А женщинам, которые помогли, он подарил по полоске вяленого мяса.

Это долго хранилось, и даже маленький кусочек, добавленный в жаркое или овощи, делал блюдо гораздо сытнее и жирнее.

От двух свиней остались две головы и восемь копыт. Вечером тётя Ян всё это приготовила — иначе испортилось бы, а это было бы настоящей тратой.

Половину варёной свиной головы Вэнь Жунь отдал семье Ян — мясо было очень жирным, его можно есть даже холодным.

Ещё он отправил в дом старика Чжана (главы деревни) большую тарелку маринованных свиных ушей и ещё одну — с мясом с головы.

Восемь копыт оставил детям — пусть грызут на здоровье.

Остальное добро Вэнь Жунь не стал раздавать сразу. На следующий день он вместе с тремя детьми долго рассматривал подарки.

Ткани аккуратно сложили — иначе заведутся моль и жучки.

Среди подарков от уездного начальника Вэнь Жунь обнаружил целый комплект золотых женских украшений — не особо изысканный, но очень тяжёлый!

В другой коробке лежали нефритовые подвески и брелоки для веера — изящные, маленькие, но явно дорогие.

Ещё одна коробка содержала пару корней женьшеня и пару линчжи — сразу видно, что товар высшего качества.

В маленькой коробочке размером с ладонь лежала ярко-красная киноварь.

Отдельно — целый набор «четырёх сокровищ учёного»: только рисовой бумаги Сюаньчжи было целых три «даня» (примерно 150 кг)!

Несколько кистей — из красного дерева с волчьим волосом, три чернильницы и три бруска хуэйского туша.

Хороший комплект «четырёх сокровищ» стоил сотни лянов — этот, хоть и не элитный, но явно на сумму в сто-сто пятьдесят лянов.

Ещё одна коробка была полна детских заколок и цветочков для волос — явно для Ван Мэй.

Наконец, в самом нижнем чёрном ларце Вэнь Жунь нашёл то, чего так долго ждал: пятьсот лянов серебром!

Десять больших слитков по пятьдесят лянов каждый, аккуратно уложенных рядами, сверху — пять связок медяков.

И ещё — документ на лавку у городских ворот, уже оформленную на его имя.

Вэнь Жунь знал эту лавку — раньше там был магазинчик смешанных товаров, но когда он проходил мимо, она была закрыта. Видимо, уездный начальник заранее подготовил компенсацию.

Место действительно удачное: рядом с городскими воротами и рынком — идеально подходит для любого дела.

Вэнь Жунь не стал скрывать находку от детей. Те, увидев столько денег, широко раскрыли глаза от изумления.

Он ласково погладил их по головам:

— Не бойтесь, теперь у нас есть деньги. Пора строить новый дом!

Дети кивали, будто во сне. Вэнь Жунь отдал все медяки Ван Цзюэ — мальчик был так взволнован, что не мог уснуть всю ночь.

Подготовившись, Вэнь Жунь собрался ехать в уездный город на третий день.

Но сопровождать его было некому — все были заняты уборкой урожая.

Да и сам он не умел управлять повозкой!

В итоге он попросил тётушку Цуйхуа приходить готовить и помогать по дому. Семья Ян теперь ела у него — во-первых, тётя Цуйхуа была слаба здоровьем и не справлялась с осенней страдой, а во-вторых...

Вэнь Жунь теперь «господин цзюйжэнь» — ему не пристало самому стоять у плиты!

С таким аргументом семья Ян не могла спорить и принесла немного круп и овощей — так они стали есть вместе.

У Вэнь Жуна дома мяса было вдоволь: вяленое, копчёное, да и домашнюю птицу можно было нарезать в любой момент.

Тётя Ян, чтобы иметь силы работать в поле, тоже зарезала своих петушков. У них было тридцать кур, и больше половины — именно петухи.

Крестьяне редко держали много петухов — едят много, а яиц не несут.

Вэнь Жунь никогда не видел осеннюю жатву своими глазами, но прежнее «я» хоть и не работало в поле, видело это. Он знал: работа изнурительная, срочная. Надо убрать весь урожай до первых осенних дождей — иначе зерно начнёт прорасти прямо на корню!

Поэтому все вставали на заре и работали до позднего вечера.

Домашние дела ложились на детей: кормить свиней и птицу, убирать. Вэнь Жунь тоже помогал, но у него плохо получалось — дети справлялись лучше.

Поэтому он занялся тем, что мог: носил воду, собирал овощи — хоть как-то обеспечивал тыл.

За ужином дядя Ян с благодарностью вздохнул:

— Вот уж никогда осенняя страда не была такой лёгкой! Раньше выматывался до полусмерти.

Теперь, возвращаясь домой, он сразу получал горячую воду для ног, а на канге уже стоял ужин.

А какой ужин! Сегодня — рис с просом, два блюда: тушёная свинина и вяленое мясо с чесноком и перцем.

Тушёная свинина — нежная, ароматная, жирная! Её соусом можно заправить рис — и без овощей съесть три миски!

А вяленое мясо с зеленью и перцем — солёное, острое, невероятно возбуждает аппетит.

После тяжёлого дня это была самая вкусная еда на свете!

— Впредь будет ещё лучше, — сказал Вэнь Жунь, наливая дяде Яну ещё миску костного бульона. — Выпейте суп, проверьте скотину — и ложитесь отдыхать. Завтра утром приходите завтракать!

— Мм, — кивнул дядя Ян. Сейчас не время для вежливых отнекиваний, и он не стал притворяться скромным.

После ужина обе семьи — и супруги Ян, и тётя Цуйхуа с детьми — отправились домой.

Хотя Вэнь Жунь и не выполнял тяжёлой работы, он устал не меньше других.

На следующее утро, пока ещё было совсем темно, пришла тётя Цуйхуа. Вэнь Жунь уже встал — дети ещё спали. Он помогал готовить: в основном топил печь и носил воду. А тётя Цуйхуа проворно замешивала тесто и жарила.

На завтрак были пирожки — начинка из вяленых колбасок и капусты, тесто она замесила ещё вчера вечером.

К ним подали густую просовую кашу, солёные утиные яйца и маринованные овощи.

Солёные яйца принесла тётя Ян, а овощи — с их огорода. Вэнь Жунь специально не использовал свои запасы, боясь, что семья Ян перестанет приходить есть к нему.

Едва начало светать, семья Ян уже пришла. Быстро, с шумом и гоготом, они съели завтрак и уехали в поле.

День прошёл в суете, а вечером вернулись только в полной темноте — ужинать пришлось при свете лампы.

Так продолжалось почти десять дней — пока наконец не убрали весь урожай.

Как только работа в полях закончилась, Вэнь Жунь сразу пошёл к старику Чжану. Тот запряг свою повозку и повёз его в уездный город.

Уездное управление осталось прежним. Вэнь Жунь попросил о встрече с уездным начальником.

<http://bllate.org/book/15642/1398050>